

Звери большого Города

Истории о тех,
кто живёт рядом с нами

Сергей Диковинный

Сергей Диковинный

Звери большого города

«Автор»

2026

Диковинный С. В.

Звери большого города / С. В. Диковинный — «Автор», 2026

Эта книга началась с одного нахального ворона. Я живу в Москве, недалеко от Яузы, и почти каждый день гуляю по Яузскому парку. Здесь суетятся белки, важно вышагивают голуби, шуршат в опавших листьях ежи, а с высоких ветвей за всем этим наблюдают вороны — мудрые, ироничные и совершенно уверенные в том, что настоящие хозяева города — именно они. Однажды один из них уселся напротив меня на ветку и посмотрел так внимательно, будто собирался писать обо мне диссертацию. И я вдруг подумал: а что, если у этих зверей — свои истории? Свои мечты, страхи, радости и, конечно, своё счастье? Так родился «Ворон» — первый рассказ этой книги. А дальше — пошло-поехало. Заяц, белка, ёж, кот, лиса, бобр, лось, кабан, куница, мышь, конь, жираф, лев — все они вышли из тени московских парков и дворов, чтобы рассказать вам свои истории. Это весёлые и трогательные сказки о больших и маленьких, о сильных и не очень, о тех, кто ищет своё счастье прямо посреди большого города.

© Диковинный С. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Ворон	5
Пёс	8
Лисица	11
Кот	14
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Звери большого города

Ворон

Жил-был в Москве ворон. Не просто ворон, а натуральный оппортунист с высшим образованием, полученным на помойке. Он наблюдал за прохожими с таким видом будто писал про них докторскую диссертацию, а заодно подбирал за ними еду — исключительно в целях научного эксперимента. Иногда он воровал блестящие вещицы. Не потому что был сорокой — он их, между прочим, презирал — а потому что был эстетом. Всё добытое он прятал на чердаке старого жилого дома — в своей «резиденции», где укрывался от дождя, холода и, что греха таить, от налоговой.

Люди считали его глупой птицей. Ну, сами подумайте: кто ещё будет часами сидеть на проводе и гипнотизировать прохожих? А он в это время анализировал поведение *Homo sapiens*. Недаром говорят: природа наделила одних птиц ярким оперением, других — голосом, а ворона — способностью отличать Гисси от подделки с Савеловского.

Возможно, наш герой был даже гениален, но проверить это было некому — на Менделеева он не походил, а в кружок юных натуралистов не записывался. Он просто жил в своё

удовольствие. Когда становилось скучно, он подбирал камушки и сбрасывал их на прохожих. Это было его любимое развлечение, этаким бесплатным тир. А когда надоедало — гадил на лобовые стёкла припаркованных автомобилей. В этом он находил своё воронье счастье. Но счастье было каким-то... одноразовым. Как картошка фри из Макдоналдса: вроде вкусно, а через пять минут уже хочется ещё.

На своих собратьев он смотрел свысока, считая их инфузориями в перьях. Ну как можно серьёзно относиться к существу, которое не видит разницы между фольгой от «Алёнки» и кольцом с бриллиантом? Он же давно понял: люди сами выбрасывают фольгу, а драгоценности носят как приклеенные. Вывод был прост, как лопата: фольга — мусор, бриллианты — ресурс.

И вот однажды сосед с соседнего чердака начал хвастаться своим богатством. Среди его убожества - рваные носки, огрызки и прочая мишура - сияло женское кольцо с сапфирами. Откуда у этого кретина такое? Неизвестно. Но факт остаётся фактом: у него было кольцо, а у нашего героя — нет. Это было недопустимо.

Самое простое — украсть. Но это же западло. Своих нельзя трогать: «ворон ворону глаз не выклюет». Нужен был другой план. И он, как всегда, нашёлся.

Прошлой зимой наш ворон разорил ёлку. Не то чтобы он был вандалом, просто шарики были красивыми. Он снял их все до одного, потому что считал себя коллекционером современного искусства. И вот один такой шарик он и предложил соседу в обмен на кольцо. Сосед, надо отдать ему должное, долго не думал — схватил шарик и улетел, счастливый, как ребёнок, получивший в подарок щенка.

Наш ворон сидел на ветке и переваривал сделку. А ведь это же бизнес! Самая настоящая стартап-идея. У него шариков — вагон, у воронов — желаний. Почему бы не открыть бартерный пункт?

Слух разлетелся быстро. На чердак потянулись клиенты. Первой прилетела облезлая ворона из сталинской высотки на Красной Пресне. Эта «бизнес-леди» принесла военный орден с бриллиантами. Камни сверкали, но просто так соглашаться было нельзя — торговля должна быть честной и мучительной. Переговоры чуть не переросли в драку: и это при том, что драться, в общем-то, было некому — все приличные вороны уже разлетелись. В итоге старуха улетела с треснутым шариком, который давно мозолил глаза. Взаимовыгодный обмен!

Дело пошло. Вороны прилетали по десять-пятнадцать штук в день. Чердак превратился в филиал ювелирного магазина. Кольца, серьги, запонки, золотые часы, портсигар с дарственной надписью — где они только это доставали?! Но чем больше становилось сокровищ, тем тревожнее становилось на душе у ворона. Он смотрел на кучу золота и понимал: это не счастье, это просто склад неликвидных активов. Счастье — оно, наверное, в чём-то другом. Но в чём?

Приближался Новый год. Ворон сидел на теплом чердаке, смотрел на драгоценности и чувствовал себя миллиардером, у которого всё есть, но почему-то грустно. И вот однажды, пролетая мимо жилой многоэтажки, он увидел девочку. Она наряжала ёлку. Но не магазинными игрушками, а самодельными: бумажными фонариками, шишками, покрашенными серебрянкой, тряпичными зверятами. А потом сняла со своего пальца серебристое колечко и повесила на ветку.

Ворона осенило. Он вспомнил, как плакал мальчик, чью ёлку он разорил в прошлом году. Как бабушка его утешала, а дед грозил вору палкой. И ворон понял: вот она — настоящая ценность. Не блеск, а радость. Надо вернуть долг.

Он нашёл тот самый деревянный дом. Ёлка стояла вся в мишуре и серпантине, но без души. И тогда ворон начал свой великий рейс. Всю ночь он таскал на ёлку кольца, серьги, браслеты, кулоны и часы. Закреплял их на колючих лапах, как умел — неуклюже, но с любовью. Под утро, обессиленный, он рухнул под ёлку прямо на золотой портсигар и уснул.

Утром мальчик выбежал во двор и замер. Его ёлка сверкала так, будто её наряжал сам Дед Мороз с Уолл-стрит. А под ёлкой, на снегу, лежал тот самый ворон. Мальчик посмотрел на деда, который вышел на крыльцо:

— Дедуля! Ты только посмотри, кто нарядил нашу ёлку! — Вижу... Тот самый воришка. — Не смей так говорить! Он хороший! Он не умер, да?!

Дед подошёл к ворону, аккуратно взял его на руки: — Живой, шельмец. Ну-ка, давай его в дом, отогревать будем.

Вскоре ворон сидел на полу возле батареи, рядом стояла тарелка. Туда подкладывали то курицу, то колбасу, то яблоки. Ворон улыбался. Ему никуда не хотелось улетать. Он смотрел на мальчика, который гладил его по голове, и думал: «Интересно, а счастье бывает... с перьями?»

А потом он зевнул, прикрыл глаза и понял, что настоящее воронье счастье пахнет не бриллиантами. Оно пахнет курицей, колбасой и яблоками. И, кажется, домом.

Пёс

Жил-был в Москве пёс. Обычный дворовый пёс по кличке Бакс. Он жил возле старой пятиэтажки, спал под крыльцом и питался тем, что люди выбрасывали. Но Бакс не был обычным псом. Он был философом. Пока другие собаки гоняли голубей и выпрашивали колбасу у прохожих, Бакс лежал в тени и размышлял. О чём? Обо всём. О жизни. О людях. О том, почему кошки такие наглые. И о том, почему он, такой умный и красивый, до сих пор живёт бездомным.— Вот скажи, Шарик, — обращался он к соседскому псу - доверчивому молодому дурачку — почему люди глядят пуделей, а на меня даже не смотрят? Я чем хуже?— Может, ты просто не такой пушистый? — наивно предполагал Шарик.— Я не пушистый?! — возмущался Бакс. — Да я самый пушистый пёс в этом районе! Просто я не навязываюсь. Я себя уважаю! Бакс действительно себя уважал. Он считал, что он — потомок древних волков, благородный воин, а не какая-нибудь болонка, которая трясёт своим помпоном ради куска сыра. Он, Бакс, никогда не будет унижаться. Никогда. Ни за что. И вот однажды, в один из самых обычных дней, произошло событие, которое перевернуло его жизнь. Бакс обходил свои владения. Он шёл вдоль длинного ряда гаражей, внимательно нюхая углы и столбики. Всё было в порядке: метки свежие, чужих запахов нет. Вдруг он остановился, как вкопанный. Из-за угла

на него смотрел пёс. Огромный, чёрный, с горящими глазами. Он стоял неподвижно, будто ждал Бакса. Бакс оскалился:— Эй! Ты кто такой? Это моя территория! Чужак посмотрел на него с вызовом, но не ответил. Бакс сделал шаг вперёд. Чужак — тоже. Бакс шагнул вправо. Чужак — тоже. Бакс оскалился сильнее:— Ты чего, глухой? Я сказал — вали отсюда! Чужак приоткрыл пасть. Бакс с ужасом заметил, что у чужака... зубы точно такие же, как у него. И даже кончик уха такой же оборванный, как у Бакса. И взгляд — наглый, самоуверенный, будто он тут хозяин.— Ах ты, наглец! — зарычал Бакс. — Сейчас я тебе покажу, кто тут главный! Он кинулся на чужака. И врезался носом во что-то твёрдое и гладкое. Лоб заныл, лапы скользнули. Бакс отскочил, потряс головой:— Чего?! Как он это сделал? Чужак стоял на месте, ничуть не пострадавший. И, кажется, ухмылялся. Бакс не был трусом. Он был воином. И воин не отступает перед врагом. Он решил атаковать повторно. Разбежался, прыгнул и снова врезался в невидимую стену. Нос болел просто невыносимо.— Это что, волшебство?! — заорал он. Чужак, казалось, повторял каждое его движение. Бакс наклонялся — чужак наклонялся. Бакс подпрыгивал — чужак подпрыгивал. Бакс сел и почесал ухо — чужак сделал то же самое. Бакс понял: перед ним не просто пёс, а демон из преисподней, который принимает его облик. — Так, — сказал Бакс сам себе, — спокойно. Надо думать, как настоящему воину. Если я не могу победить его силой, я победить его умом. Он начал пятиться задом, надеясь обойти врага сбоку, но чужак тоже попятился. Бакс застыл на месте, боясь дышать. Минута. Две. Чужак тоже не дышал.— Это засада... — прошептал Бакс. — Он наблюдает за мной. Ждёт, когда я ослабею. Он лёг на землю, прикрыл лапами нос и решил переждать. Но это же скучно! Лежать и ничего не делать! Бакс пролежал так около часа, а потом аккуратно приоткрыл один глаз. Чужак лежал в той же позе, пристально глядя на Бакса.— Ты вообще моргаешь?! — заорал Бакс. — Или ты не живой?! Чужак, конечно, не ответил. Бакс снова сорвался в атаку. И снова полетел носом в гладкую поверхность. Бакс выдохся. Он сидел в трёх метрах от невидимой стены и тяжело дышал, размышляя. Враг неуязвим! Он повторяет каждое движение! Он не боится! И, главное, он совершенно не пахнет. Вообще никак. Ни собачьим духом, ни человеческим. Будто его нет.— Призрак... — прошептал Бакс. — Настоящий призрак. Я слышал о таких. Они живут в старых домах и гаражах. Скорее всего, он просто не хочет причинять мне вреда, а хочет выжить меня с территории непонятной магией. Он решил отступить, чтобы перегруппироваться. Отошёл на пару метров, сел и стал наблюдать. Чужак, естественно, не двинулся с места.— Ладно... — пробормотал Бакс. — Я вернусь. И приведу подкрепление. Бакс созвал совет. Собрались все окрестные псы: Шарик, дворняга Жучка, боксёр Барбос и даже какой-то подозрительный пудель по имени Артур, который жил на третьем этаже и выходил гулять в жилетке.— Братья! — торжественно начал Бакс. — У нас появился серьёзный враг.— Кто?! — встревожился Шарик.— Не знаю. Он похож на меня. Как две капли воды. Но он неуязвим! — Как это — похож на тебя? — не поняла Жучка.— А вот так! Стоит, смотрит. Я на него — он на меня! Я рычу — он рычит! Я бегу — он бежит! Но когда я прыгаю на него, я ударяюсь о невидимую стену! Псы переглянулись.— Может, это твоё отражение? — опасливо предположил Артур, поправляя жилетку.— Какое ещё отражение?! — не понял Бакс.— Ну... — пудель замялся. — Это когда ты смотришь в зеркало. Там появляется твой двойник. Глупый пёс вроде тебя просто видит в нём врага. Умный понимает, что это он сам. Бакс обиделся:— Ты меня глупым считаешь, что ли? Это что, я, по-твоему, сам с собой воевал?! Нет, это враг, и враг хитрый! Артур вздохнул и решил уйти, но Бакс остановил его:— Ладно, допустим, это отражение. Как тогда объяснить, что я не вижу себя в нём? Я такой симпатичный, а там — просто какой-то наглый пёс! Жучка прыснула в лапу.— Бакс, это же ты и есть. Просто ты всегда выглядишь наглым.— Это не я! — топнул лапой Бакс. — Я не наглый! Я уверенный в себе! Бакс шёл обратно к гаражам, обиженный и растерянный. Псы, конечно, решили, что он сошёл с ума. Но он-то знал: враг существует! Он просто не такой, какой все думают. Внезапно на забор перед ним опустился ворон. Большой, важный, с блестящим чёрным пером. В клюве у него покачи-

валось что-то золотое.— Кру-кру, — каркнул ворон. — Что, пёс, воюешь сам с собой?Бакс вздрогнул.— С чего ты взял, что я воюю с самим собой? Ты что-то знаешь?Ворон усмехнулся (насколько может усмехаться птица):— Я, брат, знаю много чего. Я сам в своё время любил блестящее, думал, что в нём счастье. Пока не понял, что счастье не в этом. А ты вот воюешь с тем, кого не существует. Смешной ты, пёс.— Ничего я не воюю! — соврал Бакс. — Просто тут враг появился!— Враг, — передразнил ворон. — Ты посмотри на него внимательно. Может, это не враг, а ты сам?Бакс хотел ответить, но ворон уже взлетел, сверкнув в лучах солнца:— Загляни тому псу в глаза. Может, увидишь там себя настоящего!Бакс остался стоять. А ворон полетел куда-то в сторону старого дома, где на ёлке сверкали его драгоценности.Бакс вернулся к гаражам. Чужак, конечно, стоял на том же месте. Смотрел на него своими наглыми глазами. Бакс подошёл ближе. Осторожно, стараясь не дышать. Подошёл вплотную.— Послушай, — сказал он. — Я не знаю, кто ты. Ворон говорит, что это я. Но я-то знаю, что это не я. Я не наглый. Я просто уверенный в себе.Чужак смотрел на него. Бакс наклонил голову влево — чужак тоже. Бакс наклонил вправо — чужак повторил.— И зачем ты передразниваешь меня? — обиделся Бакс. — Я вот к тебе со всей душой, а ты...Он замолчал. И вдруг понял. Он подошёл ещё ближе, почти вплотную к невидимой стене. Протянул лапу. Коснулся.Лапа встретила гладкую холодную поверхность. Бакс провёл по ней. И вдруг — совсем неожиданно для себя — негромко сказал:— А ведь ты красивый, пёс. И гордый. Наверное, ты много пережил, да? Наверное, тебя тоже никто не понимает?Он замолчал, разглядывая собственные отражённые глаза. И в них он вдруг увидел не врага, не демона, не призрака. Он увидел себя. Такого, какой он есть.— Прости меня, — тихо сказал Бакс. — Я так долго на тебя бросался. А ты просто... ты просто стоял и ждал, когда я пойму.Он вильнул хвостом. Отражение вильнуло тоже. Бакс улыбнулся - насколько это возможно пёсией мордой. Отражение улыбнулось в ответ.— Ну, Пёс, давай дружить, — сказал Бакс. — Ты — это я, а я — это ты. Похоже, мы сильные. И, наверное, не такие уж и глупые, просто не поняли.С того дня Бакс перестал бросаться на чужого пса. Он подходил к своему отражению каждый день и просто разговаривал с ним, как со старым другом.— Ну что, Пёс, как дела? — спрашивал он. — Скучаешь тут один? Я вот тоже один. Но сейчас я нашёл тебя. Значит, мы не одни.Он научился видеть в отражении не врага, а друга. И, что самое удивительное, он стал мягче: перестал рычать на щенков, гонять кошек, презирать пуделей в жилетках.— Понимаешь, — рассказывал он Шарику, — я понял одну важную вещь. Когда ты воюешь сам с собой, ты никогда не победишь, потому что враг — это часть тебя. А вот когда ты принимаешь себя, всё становится проще.Шарик кивал, хотя ни черта не понимал, но он видел, что Бакс изменился. Тот больше не ходил с важным видом, не мерил территорию, не строил из себя короля. Он просто жил, радовался солнцу, бегал за мячиком и иногда даже давал себя погладить.Однажды мимо пролетал тот самый ворон. Он увидел Бакса, который мирно спал возле подъезда, и довольно каркнул:— Ну что, пёс, нашёл себя?Бакс открыл один глаз и улыбнулся:— Нашёл, брат. Спасибо.— Не за что, — Ворон переложил в клюве золотое кольцо. — Я тоже в своё время понял, что главное сокровище — не то, что блестит, а то, что внутри.Он взлетел, на прощание махнув крылом:— Живи, Пёс. Ты теперь знаешь, кто ты.Бакс закрыл глаза и снова задремал. Ему снилась огромная кость. И почему-то эта кость была совсем не золотая, а обычная, мясная. И он был счастлив.

Лисица

Жила-была в Москве лиса. Да-да, самая настоящая лиса, которая почему-то не жила в лесу, а обитала в городском парке, прямо за стадионом «Динамо». Звали её... Впрочем, имени у неё не было. Было прозвище — Патрикеевна. Так её прозвали местные бабушки, которые каждое утро кормили её булочками и семечками. Патрикеевна была не просто лисой. Она была гением манипуляции. Если бы она умела говорить по-человечески, она бы легко стала министром иностранных дел. Но она умела только тявкать, вилять хвостом и делать такие глаза, что любой человек немедленно вынимал из кармана всё съестное. — Ну посмотрите на неё! — умилялись бабушки. — Какая хитрая! Какая умная! Прямо как человек! Патрикеевна согласно кивала - она обожала, когда её хвалят - и принимала очередную булочку. Она жила в норе под корнями старого дуба. Но не думайте, что это была простая нора. Это была элитная многоуровневая резиденция. Три выхода - запасной на случай опасности, гостиная - яма с сухими листьями, кладовая, где хранились запасы. И, конечно, гардеробная — хотя что может хранить лиса в гардеробной, оставалось загадкой. Но, по слухам, у неё была целая коллекция блестящих фантиков, которые она собирала в детстве. Днём Патрикеевна выходила «в свет» — то есть в парк. Она важно прогуливалась по дорожкам, здоровалась с собаками, которых счи-

тала немного глуповатыми, но полезными — они отгоняли чужих котов, трепалась с голубями, сплетницами ещё теми, и внимательно следила за людьми. Людей она делила на две категории: кормящие — те, кто приносил еду, и некормящие — те, кто проходил мимо с важным видом. Первых она обожала, вторых презирала и могла незаметно стащить у них что-нибудь блестящее. Не потому что нуждалась, а из принципа — чтобы знали, как проходить мимо такой красоты, как она. Но иногда, лёжа в своей норе и грызя очередную булочку, Патрикеевна задумывалась: а зачем ей всё это? Булочки, фантики, внимание бабушек. Она как будто что-то ищет, но не может понять, что именно. И почему-то вечером, когда парк пустел и она оставалась одна, становилось грустно. — Счастье, — говорила она себе, — это когда у тебя много еды и все тебя любят. А у меня всё это есть. Значит, я счастлива. Правда? Но внутри что-то не соглашалось. Однажды в парке появилась конкурентка. Молодая, наглая, рыжая — почти как Патрикеевна, только без её изящных манер. Она пришла откуда-то с окраины и начала бесцеремонно обходить территорию, делая вид, что парк — её собственность. Патрикеевна наблюдала за ней с ветки старого дерева — да, лисы умеют лазить по деревьям, просто не любят это афишировать — и кипела от возмущения. — Ты посмотри на неё! — возмущалась она голубю Архипу, который сидел рядом. — Идёт, хвостом виляет. Думает, если молодая, то ей всё можно? — А она ничего такая, — философски заметил Архип. — Симпатичная. — Что?! — Патрикеевна чуть не свалилась с ветки. — Да она же... она же... она простушка! У неё даже маникюра нет! А я... я... — У лис не бывает маникюра, — резонно напомнил Архип. — Я знаю! — отрезала Патрикеевна. — Но если бы был, он был бы идеальным! Ситуация усугубилась, когда молодую лису заметили бабушки. Они, конечно, стали ахать: — Ой, какая хорошенькая! Наверное, это дочка нашей Патрикеевны? Патрикеевна чуть не задохнулась от возмущения. Дочка?! Да она даже не знает, кто её родители! И вообще, она сама себе хозяйка! Но бабушки не унимались. Молодую лису называли Алисой и начали кормить не хуже, чем Патрикеевну. А та, конечно, быстро поняла, где тепло, и теперь каждый день приходила к скамейке, виляла хвостом и получала булочки. Патрикеевна объявила войну. Она разработала план, который, по её мнению, был гениален: надо просто перестать приходить к бабушкам. Пусть они поймут, что без неё жизнь не та. Она спрячется в норе на пару дней, а когда вернётся, все будут скучать и носить ей еду вдвое больше. План провалился. Патрикеевна не появлялась три дня, а когда вышла, обнаружила, что бабушки уже вовсю носятся с Алисой. А та, наглая, даже не постеснялась занять её любимое место под скамейкой — то самое, где была самая мягкая подстилка из листьев! — Это моё место! — зарычала Патрикеевна, подходя к Алисе. Алиса лениво подняла голову: — Твоё? Тут написано «твоё»? Я не видела никакой таблички. — Таблички нет, но это мой район! Я тут главная лиса! — А выглядишь ты не как главная, — фыркнула Алиса. — Выглядишь как старая дева, которая не может поделиться булочкой с молодой красивой лисой. Патрикеевна аж задохнулась. Старая дева?! Да она ещё ого-го! Она... Она развернулась и ушла. Гордо. Но внутри у неё всё кипело. Она подошла к пруду, посмотрела на своё отражение в воде и чуть не расплакалась. — Я не старая, — прошептала она. — Я опытная. Это не одно и то же. Вечером, когда парк опустел, Патрикеевна сидела на ветке старого дуба и смотрела на закат. Настроение было отвратительное. Она чувствовала себя так, будто её обманули. И ради чего? Ради каких-то булочек? — Кру-кру, — раздалось сверху. Патрикеевна подняла голову. На ветке выше сидел ворон. В клюве у него что-то блестело — то ли кольцо, то ли серьга. — Чего тебе? — буркнула лиса. — Смотрю, ты совсем расклеилась, — каркнул ворон. — Я вот пролетал мимо, решил проведать. Знакомые тут у меня есть. — Какие ещё знакомые? — А ты слышала про пса Бакса? Он у гаражей живёт. Такой важный был, строитель империй. Потом понял, что счастье не в этом. Я ему помог. Патрикеевна закатила глаза: — И что? Ты теперь всем будешь помогать? Психолог пернатый? Ворон усмехнулся: — А почему нет? Ты, я смотрю, тоже не самая счастливая лисица. Вон вся извелась из-за какой-то молодой конкурентки. А сама не поняла, что дело не в ней. — А в чём? — насторожилась Патрикеевна. — А ты сама подумай. Ты чего на самом

деле хочешь? Булочек? Так они у тебя были и будут. Внимания? Так тебя все любят. Или тебе надо, чтобы только тебя любили? Патрикеевна замолчала. Ворон, кажется, попал в точку. — Ты, главное, не воюй с ней, — сказал ворон. — Ты же лиса. Хитрость у тебя в крови. Придумай что-нибудь получше, чем рычать. Он переложил блестящую вещицу в клюве и добавил: — Я, кстати, в прошлом году на ёлку к мальчику все свои драгоценности повесил. Думал, что в них счастье. А оказалось — в том, чтобы кому-то было хорошо. — Ты про то, что надо делиться? — нахмурилась лиса. — Про то, что счастье — это не когда у тебя есть, а когда ты можешь отдать. Ладно, бывай. Мне ещё к Баксу залететь надо, проверить, как он там. Ворон улетел. А Патрикеевна осталась сидеть на ветке и думать. На следующее утро Патрикеевна вышла из норы с новым планом. Она больше не злилась на Алису. Она решила... подружиться с ней. Но не просто подружиться, а сделать так, чтобы Алиса сама поняла, что Патрикеевна — королева. Она подошла к Алисе, которая грелась на солнышке, и сказала: — Слушай, сестрица. Я тут подумала. Мы с тобой обе рыжие, обе умные. Зачем нам ссориться? Давай лучше объединим усилия. — Какие усилия? — не поняла Алиса. — Ну, например, стратегическое распределение зон кормления. Ты знаешь, что у западной аллеи стоит мужик с семечками, который даёт орехи? А у восточной — старушка с сырками. Если мы разделим территорию, каждая получит максимум выгоды. Алиса задумалась. Идея казалась разумной. — И ещё, — добавила Патрикеевна. — Я научу тебя трюку, который люди любят. Вот смотри. Она подошла к скамейке, села на задние лапы, подняла переднюю и сделала жалобные глаза. Бабушки, которые как раз проходили мимо, немедленно растаяли: — Ой, Патрикеевна! Какая умница! Держи булочку! Патрикеевна взяла булочку, важно повернулась к Алисе и протянула ей половину: — Видишь? Это работает. Но нужно делать это с достоинством. А не кидаться на еду, как собачка какая-нибудь. Алиса посмотрела на булочку, потом на Патрикеевну. И вдруг улыбнулась: — А ты не такая уж и старая дева. Ты прикольная. — Я знаю, — фыркнула Патрикеевна, но втайне была польщена. Через месяц Патрикеевна и Алиса стали настоящими подругами. Они вместе ходили к бабушкам, вместе гоняли чужих котов и вместе делили добычу. Патрикеевна научила Алису всем своим хитростям, а Алиса — Патрикеевну новым молодёжным приёмам, например, как делать мордочку «я несчастная сирота». Бабушки были в восторге. Теперь у них было две лисы. Одна умная, другая красивая. Вместе они — идеальный дуэт. Но самое главное, Патрикеевна поняла, что счастье — не в том, чтобы быть единственной. Счастье — в том, чтобы быть нужной. И когда она делила булочку с Алисой, ей почему-то становилось теплее, чем когда она съедала её одна. Однажды, пробегая мимо гаражей, она увидела пса Бакса. Тот лежал возле подъезда и улыбался, глядя на закат. — Чего такой довольный? — спросила Патрикеевна. — А я счастье нашёл, — ответил Бакс. — Это когда не воюешь ни с кем, а просто живёшь. — Я тоже, — кивнула лиса. — Я тоже нашла. Они посмотрели друг на друга — мудрый пёс и мудрая лиса. И каждый понял, что в этом городе, среди людей, машин и высоток, можно найти своё маленькое счастье. Главное — не бояться поделиться им с другими. А в небе над ними пролетел ворон. В клюве у него что-то блеснуло — но он уже не думал о блеске. Он летел к мальчику, у которого на ёлке сверкали его драгоценности, и, кажется, впервые за долгое время был по-настоящему счастлив.

Кот

Жил-был в Москве кот. Не просто кот, а кот с чувством собственного достоинства. Звали его... Впрочем, имя у него было. Но он его никому не говорил. Считал, что имя — это слишком личное. Люди звали его Барсик, но он морщился, когда слышал это. — Барсик, — фыркал он про себя. — Какая пошлость. Я вам что, домашний питомец? Я — независимая личность. Барсик жил в подъезде старой пятиэтажки. Не потому что у него не было дома, а потому что он так выбрал. У него была хозяйка — милая старушка Валентина Петровна с четвертого этажа. Она кормила его три раза в день, гладила и разговаривала с ним, как с человеком. Но Барсик считал, что жить в квартире — это слишком предсказуемо. Он — свободный дух. Он — повелитель подъезда. Каждое утро Барсик обходил свои владения. Первый этаж — нейтральная территория. Второй — зона влияния - там жил пёс Шарик, но Барсик не считал его серьёзным противником. Третий — стратегически важный - там была батарея, у которой Барсик грелся зимой. Четвёртый — дом Валентины Петровны - пункт питания. Пятый — чердак, личная резиденция Барсика, где он размышлял о смысле жизни. — Вот скажи, — обращался он к уличному коту Ваське, который иногда заглядывал во двор, — почему люди думают, что мы, коты, — это их собственность? Мы ничьи. Мы сами по себе. — Мур-р-р, — соглашался Васька, хотя на

самом деле просто хотел жрать. Барсик считал себя философом. Он любил сидеть на подоконнике в подъезде, смотреть на улицу и думать о высоком. Например, о том, почему люди вечно куда-то бегут, что-то ищут, чем-то владеют. А он, Барсик, никуда не бежит. Он просто есть. И это — истинное счастье. Или нет? Однажды в подъезде появился чужой кот. Молодой, наглый, полосатый. Он вошёл через дверь, которую кто-то забыл закрыть, и начал бесцеремонно обнюхивать углы. Барсик, который дремал на батарее, открыл один глаз и не поверил своему счастью: — Эй, ты! Ты кто такой? Полосатый поднял голову и лениво посмотрел на Барсика: — Я Тимофей. А ты кто? — Я здесь живу, — Барсик приподнялся и гордо выгнул спину. — Это мой подъезд. Так что вали отсюда, пока я не рассердился. Тимофей зевнул: — Подъезд? Ты живёшь в подъезде? Вот бедолага! У меня вон — целая квартира, с диваном и кормом премиум класса. А ты тут на батарее, как бомж. Барсик аж задохнулся. Бомж?! Да он — король подъезда! У него есть лежанка на батарее, у него есть Валентина Петровна, которая приносит ему сметану. Какие ещё диваны? — Убирайся, — прошипел Барсик. — Или хуже будет. — Да? — Тимофей усмехнулся. — И что ты сделаешь? Поцарапаешь меня? Так я быстрее убегу. И вообще, ты старый. Тебе уже, наверное, лет десять. — Мне семь! — возмутился Барсик. — И я в самом расцвете сил! — Ну-ну, — фыркнул Тимофей и направился к батарее. — Красивое место. Пожалуй, я тут посплю. Он запрыгнул на батарею, улёгся и закрыл глаза. Барсик онемел. Это наглость! Это... это... Это же его батарея! Барсик попытался вытеснить нахала. Сначала он зашипел. Тимофей не отреагировал. Тогда Барсик фыркнул. Тимофей зевнул. Тогда Барсик подошёл ближе и слегка толкнул Тимофея лапой. Тимофей открыл глаз: — Ты чего? — Это моя батарея! — заявил Барсик. — А ты не слишком стар для таких игр? — усмехнулся Тимофей. — Иди в свою квартиру, к своей старушке. А тут я посплю. — Я не живу со старушкой! Я живу в подъезде! Я свободен! Я... — Свободен? — Тимофей приподнял бровь. — Свободен, но при этом дрожишь за батарею? Звучит не очень свободно. Барсик опешил. А Тимофей продолжил: — Вот я — живу в квартире. Меня кормят, меня гладят, у меня есть лоток с наполнителем. И при этом я свободен. Потому что свобода — это не когда ты живёшь на улице. Свобода — это когда ты не зависишь от чужого мнения. Барсик задумался. В словах полосатого нахала была какая-то правда. Но признать это не хотелось. — Всё равно, — буркнул он, — уходи. Это моя батарея. — А давай так, — предложил Тимофей. — Я посплю тут часок. А ты пока сходи, проветришься. А потом решим, чья это батарея. Барсик хотел возразить, но не нашёл слов. Он гордо развернулся и пошёл к окну. Сел на подоконник и стал смотреть на улицу. Внутри у него всё кипело. Вечером Барсик сидел на чердаке и смотрел на закат. Настроение было паршивое. Его, короля подъезда, вытеснил какой-то полосатый нахал. Как это вообще возможно? Внезапно на трубу опустился ворон. Сверкнул глазом, переложил в клюве что-то блестящее. — Кру-кру, — каркнул он. — Чего такой грустный, котик? — Я не котик, — огрызнулся Барсик. — Я — личность. — Ну да, ну да, — ворон хитро прищурился. — Личность, которая переживает из-за батареи. — С чего ты взял, что я переживаю? — возмутился Барсик. — Так по тебе вижу. Я вообще наблюдательный. Я тут ворон, у меня все дела. Я ещё тому псу, Баксу, помогал. И лисице Патрикеевне. А теперь вот ты. Барсик вздохнул: — И что ты можешь мне посоветовать? У меня тут... конкурент появился. — И что? — ворон наклонил голову. — Пусть живёт. Или ты думаешь, что мир тесен? — Да он мою батарею занял! Понимаешь? Мою! — А ты умеешь делиться? — спросил ворон. Барсик задумался. Делиться? Он никогда ни с кем не делился. Зачем? Он же кот, ему всё должно принадлежать ему. — Я вот, — продолжил ворон, — раньше думал, что всё лучшее должно быть у меня. Драгоценности там, блестяшки. А потом понял — счастье не в этом. Счастье — когда ты можешь отдать. — Я кот! — возмутился Барсик. — Я не умею отдавать! — Попробуй, — усмехнулся ворон. — Вдруг понравится? Он переложил блестящую вещицу в клюве, расправил крылья и улетел. А Барсик остался сидеть на чердаке и думать. На следующее утро Барсик спустился вниз с твёрдым решением: он попробует жить по-новому. Подошёл к батарее, где всё ещё спал Тимофей. Осторожно толкнул его лапой: —

Эй, Тимофей. Полосатый открыл глаза:— Ну чего тебе?— Слушай... — Барсик замялся. — Я тут подумал. Может, будем делить батарею? Ты спишь ночью, я — днём. Или наоборот. Ну, чтобы никому не обидно. Тимофей удивлённо посмотрел на Барсика:— Серьёзно? Ты меня прогонял, а теперь предлагаешь делить?— Ну... я передумал. Ворон тут один подсказал... Тимофей усмехнулся:— Ладно, давай. Только я люблю спать на правом боку.— А я на левом, — соврал Барсик, на самом деле он любил спать на спине.— Договорились. С этого дня Барсик и Тимофей стали делить батарею. А потом — и подъезд. А потом и двор. А потом и вовсе подружились. Тимофей научил Барсика, как выпрашивать у людей еду, а Барсик — как важно сохранять достоинство даже тогда, когда кланчишь колбасу. Валентина Петровна была в восторге:— Ой, у Барсика появился друг! Приходите к нам оба — я вас сметанкой угощу! И они приходили. Оба. Вдвоём. Ели сметану из одной миски и смотрели на мир с философским спокойствием. Через месяц Барсик сидел на подоконнике, рядом — Тимофей. Они смотрели на улицу, где вечно куда-то спешили люди.— Слушай, Тимофей, — спросил Барсик. — А ты замечал, что люди всё время бегут? Куда-то торопятся, что-то ищут. А мы с тобой просто сидим и смотрим. И нам хорошо.— Ага, — согласился Тимофей. — Это потому что мы — коты. Мы знаем главный секрет.— Какой?— Счастье — это не когда ты куда-то бежишь. Счастье — это когда тебе хорошо там, где ты есть. Барсик задумался. А ведь Тимофей прав. Он, Барсик, всю жизнь думал, что должен контролировать подъезд, защищать батарею и доказывать всем, что он главный. А на самом деле ему просто нужно было расслабиться и позволить миру быть таким, какой он есть.— Знаешь, — сказал Барсик. — А ты не такой уж и наглый.— Ты тоже не такой уж и старый, — улыбнулся Тимофей. Они замолчали. Им было хорошо. Просто хорошо. Без борьбы, без войны, без желания быть главными. Они были собой — и этого было достаточно. А мимо пролетел ворон. Он посмотрел на двух котов, которые мирно сидели на подоконнике, и довольно каркнул:— Ну вот. Ещё один нашёл своё счастье. Осталось совсем немного. Он полетел дальше — к новым историям и новым героям. Потому что в этом городе, среди людей, машин и высоток, всегда найдётся тот, кто ещё не понял, что счастье — не в том, чтобы быть главным. А в том, чтобы быть счастливым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.